

Александра
МАРИНИНА

Люди
за спиной
Том I

Кажется, там никого нет...
Или мы просто не видим?

А. Маринина. Больше чем детектив. Новая Эра

Александра Маринина
Люди за спиной. Том 1

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Люди за спиной. Том 1 / А. Маринина — «Эксмо», 2026 — (А. Маринина. Больше чем детектив. Новая Эра)

ISBN 978-5-04-251780-8

В частное детективное агентство «Власта», где работает Анастасия Каменская, обращается бывший театральный критик, а ныне «спутник для дам» Олег Шебалин. Его просьба весьма необычна: найти женщину с которой он время от времени ходил в театр. А теперь она пропала. При этом не известны ни ее фамилия, ни адрес, ни телефон... На первый взгляд странный, почти безнадежный заказ. И с чего бы этому театральному «жиголо» так беспокоиться о пропаже клиентки? Используя старые связи, Каменская выясняет: загадочная театралка вовсе не та, за кого себя выдает. Это женщина с чужой биографией и поддельными документами. И судьба ее связана с давней историей, унесшей жизни нескольких человек. Но и это не все: на поверхность одна за другой всплывают новые смерти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251780-8

© Маринина А., 2026
© Эксмо, 2026

Александра Маринина

Люди за спиной. Том 1

© Маринина А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Шквал аплодисментов нарастает, и вот уже тысячи людей, заполнивших трибуны самой большой арены, рукоплещут стоя. А в воздухе парит, слегка колеблясь, огромная голограмма с его именем и фотографией. Вот он, тот момент, путь к которому тянулся долгие годы. Годы мучительные и страшные. Но оно того стоило!

Это только сон... Сон сладкий, радостный. Жаль, что приходит не каждую ночь. Однако в последнее время все чаще. И это понятно: осталось совсем немного, самое сложное уже позади.

Он нехотя открывает глаза, утыкается взглядом в молочно-белое плечо, на котором прядь темно-рыжих волос кажется почти черной. Милая женщина. В меру добрая, в меру неглупая. Она ему нужна, но отказаться от нее он сможет в любой момент. Никаких проблем.

Женщина спит, дышит ровно, совсем тихонечко, почти неслышно. Может, попытаться снова заснуть? Закрыть глаза и вернуться туда, где рев трибун оглушает и переполняет восторгом... Он легко проваливается в дрему, но вместо аплодисментов слышит только вой ветра в доме, продуваемом сквозняками, и чувствует, как костяшки сжатого кулака вжимаются в живую плоть. Он ничего не видит, только ощущает. И знает.

Нет, этот навязчивый сон он смотреть не станет. Заставляет себя открыть глаза.

– С добрым утром, радость моя! Завтрак? Или еще поваляемся?

Оказывается, она уже успела проснуться. Ну что ж...

* * *

В небе снова гроыхнуло, но уже глуше: грозовой фронт постепенно смещался к югу, хотя дождь лил по-прежнему щедро и яростно. Гроза в октябре... И куда катится мир? Похоже, новый вирус вызывает патологию не только у людей, но и в небесных сферах. С началом пандемии все на свете пошло кувырком.

В комнате отдыха запах хорошего кофе смешивался с запахами плохого фастфуда, и Анастасия Каменская то и дело невольно морщилась: от такого аромата ее подташнивало. И кто бы мог подумать, что перенесенный в легкой форме ковид оставит за собой длинный хвост в виде совершенно неожиданных последствий, одним из которых было изменение вкусовых ощущений и выкрутасы обоняния. Теперь мясо казалось на вкус сладковатым, а любимые прежде бургеры вызвали отвращение и тошноту. Медики уверяли, что «это не навсегда» и со временем пройдет, да Настя и сама видела, что симптомы постепенно ослабевают, но хотелось бы, чтобы они уже все поскорее исчезли безвозвратно.

– Что ж так долго-то, – с тоской протянул Михаил Доценко, вытаскивая из пакета очередную булочку с котлетой и соусом.

– А куда торопиться? – возразила Настя. – В такой ливень все равно на улицу не выйти, придется ждать, когда чуток отпустит. Вот и шеф не торопится, Зоя им уже три раза кофе приносила.

– Ты хоть видела его, этого кренделя? – поинтересовался Миша. – На что похоже?

«Кренделя» Настя видела, он пришел в частное детективное агентство «Власть» чуть больше двух часов назад, спросил Владислава Николаевича Стасова, сказал, что ему назначено

на шестнадцать тридцать. Скрылся в кабинете руководителя и больше не выходил. Доценко в это время в агентстве не было, он явился позже, успел прибежать буквально за несколько минут до начала грозы, очень рассчитывал быстренько отчитаться о проделанной работе и доехать до дома, пока улицы и дороги не превратились в глубокие бурные ручьи, по которым приходится продвигаться чуть ли не вплавь. Вообще непонятно, откуда, из каких адовых глубин вылезла эта странная проблема, ведь климат остался все тем же, город стоит на месте, но раньше никакой даже самый сильный ливень не приводил к затоплению улиц. И Доценко огорчился до невозможности, услышав:

– Шеф велел не расходиться, ждать указаний. Так что отчитаться не получится, и доехать до дома в ближайшее время тоже вряд ли выйдет.

Теперь Михаил обреченно ждал, но хотел как минимум понимать, ради какого клиента и какой работы.

– На что похоже? – задумчиво повторила Настя. – Вроде на бизнес. Дядька примерно нашего возраста, костюм дорогой, хорошо сидит. Сам вежливый, голос приятный, сочный. Ему бы камзол и парик – и готовый аристократ конца восемнадцатого века.

– А парик-то для чего?

– Так он лысый, – рассмеялась Настя. – Череп гладенький, как бильярдный шар.

– Тогда вряд ли это по бизнесу. В нашем бизнесе аристократы отродясь не водились, – убежденно изрек Доценко. – Скорее проблемный ребенок или неверная супруга. Тоска зеленая.

– Тоска, – согласилась Настя. – Но проблемы с бизнесом – тоже тоска. А куда деваться? Заниматься тем, что мы с тобой когда-то любили, нам все равно нельзя, как ни крути. Криминальные трупы – дело полиции. Так что будем радоваться тому, что имеем. И потом, не забывай: иногда нам все-таки везет и попадается что-нибудь по-настоящему интересное. Вспомни продюсера Латыпова. Мы тоже сначала нос воротили, а потом такая картина маслом нарисовалась – пальчики оближешь.

– Ага, уж такая картина, что тебя чуть в СИЗО не отправили, – пробурчал Миша.

– А ты не вспоминай о плохом, вспоминай о хорошем, – улыбнулась Настя. – И мечтать не забывай.

– О чем? О падающих с неба сладких плюшках с кремом?

– Об адвокатах. О таких, например, как Кирган, который принес нам дело об убитом тренере. Между прочим, наш аристократический клиент очень смахивает на успешного адвоката старой школы. И сидит у шефа уже третий час. Вполне может оказаться, что он хочет помощи в защите подсудимого, обвиняемого в страшном кровавом убийстве. Так что не будем терять надежду, Мишаня.

– Виталик Кирган – наш талисман, Ромчик Дзюба – гонорар в зубы, – мрачно пошутил Доценко. – Такая везуха раз в сто лет случается, а с того дела прошло всего-то лет десять.

Надо же, десять лет... «А как будто вчера», – удивленно подумала Настя. И почему после шестидесяти лет время бежит с утроенной скоростью? Станный феномен. Виталий Кирган был адвокатом, принявшим защиту тренера по фигурному катанию, которого обвиняли в убийстве коллеги. В поисках доказательств невиновности своего подзащитного он обратился за помощью в агентство Стасова. В составе следственно-оперативной группы тогда работал Ромка Дзюба, он одним из первых усомнился в доводах следствия и потихоньку посоветовал жене арестованного обратиться именно к Киргану, которого хорошо знал лично. Да уж, работа тогда развернулась по всему фронту, и новые трупы появились, и даже до стрельбы дело дошло. Есть что вспомнить! Но Миша, конечно, прав, у частных детективов такие дела бывают крайне редко, если вообще бывают.

В начале восьмого открылась наконец дверь кабинета Стасова, но никто не вышел, зато зазвучал зычный голос шефа:

– Зайдите. Зою тоже зовите.

Настя и Доценко переглянулись. Если вызывают всех одновременно, значит, работа предстоит большая и сложная. Это интересно.

Из соседней комнаты вышла Зоя, баскетбольного роста красавица с толстой косой, которая примерно с равной страстью любила своих маленьких внуков, компьютеры и скрипку. Мужчина в ее жизни тоже был, Настя видела его собственными глазами, но сильно сомневалась, что на его долю досталась такая же увлеченность. Впрочем, никогда нельзя уверенно судить о том, что происходит в чужой душе.

– Знакомьтесь, Олег Витальевич Шебалин, – проговорил Стасов, представляя нового клиента. – А это сотрудники, которые будут заниматься вашим делом: Анастасия, Михаил, Зоя.

– Сразу трое? – удивился Шебалин. – Неужели нужно так много людей?

– Для начала – да, дальше будет видно, возможно, останется кто-то один. Необходимо сперва определить масштаб проблемы.

«Похоже, и в самом деле адвокат», – обрадовалась Настя.

Но ее тут же постигло жестокое разочарование.

– Олег Витальевич – специалист по театру. Он просит нас разыскать человека и выяснить, не случилось ли с ним беды и не нуждается ли он в помощи.

Зоя тут же раскрыла блокнот и приготовилась записывать.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения, все, что знаете о нем, – деловито произнесла она. – Адрес, место работы, образование, семейное положение.

В кабинете повисло молчание. Настя почуяла недоброе.

– Проблема в том, что Олег Витальевич ничего этого не знает, – ответил Стасов, и в его голосе можно было уловить нотки то ли неуверенности, то ли смущения.

– Совсем ничего? – изумленно переспросила Зоя. – Как такое может быть?

Шебалин откашлялся.

– Это женщина, мне она представилась Людмилой, но я теперь уже не уверен, что имя настоящее. Возраст – около сорока пяти, хотя я не большой знаток в этом вопросе, могу значительно ошибаться в ту или другую сторону. Понимаю, все это звучит более чем странно, но я все объяснил Владиславу Николаевичу.

– Теперь вам придется это повторить для моих сотрудников, чтобы они понимали, с какого конца братья за дело. Располагайтесь в комнате отдыха, а я пока подготовлю договор.

– Похоже, домой мы сегодня попадем не скоро, – шепнул Насте на ухо Доценко, пока они меняли дислокацию. – Эх ты, намечтала нам адвоката, а оказалось – обычная жертва мошенников.

* * *

Олег Витальевич Шебалин очень любил свою жену. Когда-то много лет назад в это мало кто верил. Одни посмеивались и одобрительно подмигивали, мол, понимаем-понимаем, мальчик хочет примазаться к мэтру и облегчить себе карьерное продвижение; другие посматривали в его сторону с нескрываемым презрением, полагая, что если такой красивый молодой парень женился на некрасивой тетке на пятнадцать лет старше, да еще с ребенком, то у него наверняка большие проблемы в сексуальной сфере, из-за чего он и не может найти себе подходящую пару среди хороших ровесниц. Родители Олега были в ужасе; сын «некрасивой тетки», уже достигший к тому времени совершеннолетия, его не принял. Ну и что?

Прошло много лет. Целых сорок. Ровно столько, сколько было Ирине Николаевне, его ненаглядной Иринушке, когда они поженились. Теперь ей уже восемьдесят, ему самому – шестьдесят пять, и Олег Витальевич не жалеет ни об одном прожитом вместе дне. Общих детей у них не было, врачи категорически запретили Ирине рожать во второй раз, и Олег сми-

рился. Взрослый сын Ирины со временем смягчился; дружбы с ним у Олега Витальевича не сложилось, но отношения стали достаточно теплыми и доброжелательными, а уж когда пошли внуки, а за ними и правнуки Иринушки, то Шебашины стали похожи на самую обыкновенную семью, каких тысячи и миллионы. Олег был первым и единственным мужем Ирины, которая сына родила, едва окончив институт, от кого-то из своих однокурсников. Она не называла его имени и вообще не упоминала о нем, отчество сыну дала по своему усмотрению, считалась матерью-одиночкой, так что никакой «отец ребенка» даже тень на семью Шебашиных не отбрасывал.

Все сорок лет они прожили душа в душу, относились друг к другу с нежностью и тихим обожанием, планировали широко отпраздновать восьмидесятилетие Ирины Николаевны, пригласить всех ее многочисленных коллег и учеников, друзей семьи и добрых знакомых, а спустя пару месяцев отметить в уютном семейном кругу сороковую годовщину бракосочетания и сделать себе подарок – трехнедельную поездку по странам Северной Европы. Олег Витальевич давно хотел своими глазами увидеть норвежские фьорды, а Ирина много лет грезилась об Исландии. Казалось, ничто не могло помешать этим планам.

Однако ж помешало.

Вирус. Пандемия. Локдаун. Отмена международных рейсов. Маски и перчатки. Запреты. Ограничения. Соцмониторинг заболевших.

И страх.

Именно страх впервые за четыре десятка лет провел черту между супругами Шебашиными, показав им, что два человека не могут быть одним целым, как бы много общих интересов они ни имели и как бы ни любили друг друга. В первые недели, когда всем велели сидеть по домам, а людей пенсионного возраста на каждом углу провозглашали «группой повышенного риска», Олег Витальевич чуть не взбесился. Они оба вели чрезвычайно активный образ жизни, постоянно ходили по выставкам и театрам, много общались с людьми, ездили на бесконечные конференции и семинары, она – признанный искусствовед, специалист по живописи девятнадцатого века, он – театральный критик, известный своими хлесткими, язвительными, но объективными рецензиями. Правда, за последние лет десять-пятнадцать степень востребованности супругов Шебашиных стала меняться, как бы сказать... В разные стороны. Спрос на атрибуцию произведений живописи вырос: богатые богатели и, понавытавав в санузлы золотых унитазов, озаботились украшением стен в своих особняках подлинниками, которые заодно становились хорошим, надежным вложением средств. Конкурентов у Ирины Николаевны оказалось немного, все-таки для определения подлинности, а иногда и авторства полотна требуются недюжинные знания и многолетний опыт. Она была нарасхват. И получала очень приличное вознаграждение за свою работу. А вот надобность в Олеге Витальевиче постепенно сходила на нет, потому что желающих написать рецензию на театральную постановку было великое множество, и, к сожалению, популярностью пользовались не те критики, которые могли сделать глубокий профессиональный разбор, а те, кто умел написать ярко, доходчиво и – главное – смешно. Товар должен хорошо продаваться. Глубина и профессионализм становились не нужны, люди хотели эмоций. И еще люди почему-то очень любили, когда кого-то ругают, обличают и, что хуже всего, унижают. Шебашин мог бы написать и так, как нынче модно, но считал для себя невозможным опускаться до подобного. Он все равно писал свои статьи после каждого нового спектакля, который они смотрели вместе с Ириной, а смотрели они много, ведь театров-то в одной только Москве около сотни, так что редкий вечер супруги Шебашины проводили дома.

Привыкший к ежедневным эстетическим впечатлениям, встречам и общению с людьми, Олег Витальевич крайне тяжело перенес необходимость сидеть целыми днями в четырех стенах. Он даже завидовал собачникам, которым разрешалось выгуливать своих питомцев без риска быть оштрафованными. Правда, расстояние от места проживания назначили не такое

уж большое, но это все равно было лучше, чем ничего. Если ты принадлежишь к старшей возрастной группе и у тебя нет специального пропуска, дающего право перемещаться по городу, сиди и не твякай. Сидеть у Шебалина получалось плохо. Если честно, то не получалось совсем. Он нервничал, раздражался, злился, его мучило ощущение нехватки воздуха, ему нужно было движение. Пытался смотреть спектакли онлайн, но все казалось пресным и плоским, не было живой энергетики, которая текла со сцены в зал и которую Олег Витальевич так любил. Он с трудом засыпал, плохо спал и по утрам вставал разбитый и подавленный.

А вот Ирина Николаевна, напротив, сперва обрадовалась локдауну и тотальному запрету выходить на улицу.

– Наконец-то я смогу по уважительным причинам никуда не ездить, сидеть дома и читать. У меня столько интересных книг отложено, они годами копились, а времени прочитать все не находилось. Вот теперь и прочитаю наконец, – говорила она, любовно оглядывая высоченные стопки книг, громоздящиеся на подоконнике. Новинки, обязательные к прочтению, она не ставила на полки книжного шкафа, складывала отдельно, чтобы потом ничего не упустить.

Через какое-то время ограничения стали понемногу снимать, к осени потихоньку заработали театры, и Олег Витальевич уверен был, что все скоро наладится и уже можно начинать жить прежней привычной жизнью. Однако Ирина Николаевна, к его удивлению, выразила твердое намерение продолжать домашний карантин.

– Я никуда не выйду, – твердо заявила она. – Ты новости вообще читаешь, Олег? Ты видел эти устрашающие цифры заболеваемости и смертности? Ты читал эти жуткие репортажи из ковидных больниц? Пожилые люди не справляются с вирусом, среди заболевших старшей возрастной группы больше всего летальных исходов. Из наших с тобой знакомых два человека скончались, а что будет дальше?

– Но цифры же идут вниз, вот и гулять уже всем разрешили. Если бы ситуация оставалась опасной, запреты не отменяли бы, – возразил Шебалин. – Иринюшка, милая моя, ты же умнейший человек, неужели ты веришь в эту чушь? Ну обычный грипп, ничего сверхъестественного. Что мы с тобой, гриппом ни разу не болели? И ничего, живы-здоровы. И температура бывала за тридцать девять, и все, что к этому прилагается. Нормальная сезонная эпидемия, какая каждый год по два раза бывает, просто в этот раз кому-то понадобилось раздуть из нее невесть что. Мы с тобой люди законопослушные, запреты ввели – мы все соблюдали, как положено, но теперь-то, когда разрешили...

– Я не хочу заразиться и умереть, – сказала Ирина, глядя прямо в глаза мужу. – Я старая. Если что – не выживу. Ты прекрасно знаешь, что у меня проблемы с иммунитетом.

Когда такой разговор состоялся в первый раз, Олег Витальевич даже не поверил, что жена говорит серьезно. Уверен был, что вот пройдет несколько дней, ну неделя, ну пусть даже две – и она одумается, поймет, что все угрозы, которыми их пугали, это не по-настоящему. Сам-то он был абсолютно убежден в том, что опасность нового вируса сильно преувеличена. Может, по недомыслию, а может, в чьих-то корыстных интересах. Конспирология его мало занимала, а за здоровье, свое и жены, он не опасался. Из обширнейшего круга их общих знакомых кое-кто заболел и перенес легко, кое-кто вообще ничего не почувствовал, хотя сделал тест и получил положительный результат вкупе с запретом на выход из квартиры и контролем геолокации телефона. Да, двоих похоронили, это правда, еще несколько человек переболели тяжело, но стоит ли удивляться кончине пожилых людей? Сказали, что «умерли от ковида», а так ли это на самом деле? Поди-ка проверь. «Все это чепуха, – сердито думал Шебалин. – Нас держат за идиотов».

Прошла неделя, миновала вторая, но Ирина Николаевна и не думала выходить из режима самоизоляции. Все необходимое заказывала в интернет-магазинах с доставкой, общалась с коллегами и друзьями по скайпу или в зуме и была всем довольна. Олег Витальевич без конца смотрел в интернете информацию о московских театрах, видел названия новых спектаклей,

имена режиссеров и актеров, страдал и тосковал. Он очень хотел пойти. Но как же без Иринушки? За сорок лет ни разу не случилось, чтобы они были в театре не вместе.

– Ну что ты маешься? – ласково сказала как-то жена. – Сходи без меня, позвони кому-нибудь, пригласи составить тебе компанию. У нас столько знакомых, неужели не из кого выбрать?

Сперва он отказывался: пойти в театр без жены казалось кошунством. Потом стал прикидывать, с кем ему приятно было бы разделить удовольствие. Мысленно перебирал знакомых. И как-то вдруг оказалось, что любители и ценители театра выпали из круга, причем давно. Людей много, но все в основном по части других видов искусства, они из той сферы, где царила Ирина. Театралов осталось совсем мало, а Олег Витальевич даже и не заметил, как за полтора десятка лет они постепенно исчезали с горизонта.

Но нескольких человек он все же сумел наметить и принялся звонить им. Все они были людьми немолодыми, и результат телефонных переговоров выглядел плачевно. Кто-то постоянно жил за городом и «в этот каменный мешок, наполненный заразой» возвращаться в ближайшее время не собирался. Один человек, на которого Шебалин особенно рассчитывал, вообще уехал к дочери за границу, успел улететь, пока еще рейсы не отменили, и тоже возвращаться не планировал, пока все не уляжется. Кто-то был нездоров, кто-то потерял интерес к театру, потому что, по их мнению, ставить нынче разучились, а играть вообще некому. Но самое большое изумление вызвало у него то обстоятельство, что нашлись такие же, как Ирина: запершие себя в самоизоляции и свято верящие в опасность нового заболевания.

Он купил билет и пошел в театр один. Спектакль оказался, на его взгляд, средненьким, на троечку, но огорчило его не это. Средние и даже откровенно плохие спектакли – не новость в жизни Шебалина, и он никогда не уходил из театра разочарованным, потому что любой спектакль, даже самый слабый, все равно являлся поводом для размышлений, давал пищу уму профессионального критика, позволял сформулировать для себя какую-то новую мысль, составить впечатление о новом режиссере или заметить новую грань режиссера уже известного, оценить работу актеров. Нет, дело было вовсе не в спектакле, а в том, что Олег Витальевич был один. Оказывается, ему необходима компания. Ему хочется, чтобы рядом сидел человек, с которым можно в антракте выпить чашечку кофе и поделиться первыми впечатлениями, а после окончания посидеть в кафе и подробно обсудить увиденное. Они с Иринушкой всегда ходили в кафе после театра. Ну, на самом деле не всегда, конечно, потому что при советской власти такое было невозможно, и в первые десять лет супружеской жизни они, переполненные эмоциями, ощущениями и мыслями, заваливались к кому-нибудь в гости, где тусили люди «около искусства», пили то, что удалось купить, и, окутанные плотным туманом сигаретного дыма, до утра обсуждали чьи-то картины, стихи, фильмы, самиздат...

Ему нужен был кто-то, кто будет рядом. Кто-то такой же, как он сам.

Олег Витальевич превозмог себя и снова отправился в театр в одиночестве. «Ничего, я привыкну, привыкну, – твердил он себе. – Человек – эдакая свинья, ко всему привыкает». Он купил билеты сразу на восемь спектаклей в разные театры. На «через день». Оголодал. Соскучился.

На третьем или четвертом спектакле рядом с ним, через пустое кресло, сидела пара, оба немолодые, хорошо одетые. Лиц не разглядеть, все в масках. Женщина сидела слева от Шебалина, ее спутник – за ней. Перед началом, когда все еще разговаривали не понижая голоса, Олег Витальевич услышал, как дама говорит о пьесе, которую им предстояло посмотреть, и сразу понял уровень ее профессионализма и вовлеченности. Мужчина слушал, кивал, поддакивал, но разговор не поддерживал. В антракте они столкнулись в буфете: дама стояла у высокого столика, а ее кавалер топтался в очереди прямо за Олегом. Они встретились глазами, мужчина опознал в нем соседа по ряду и приветливо кивнул. Вероятно, даже улыбнулся, но маска скры-

вала нижнюю половину лица, так что судить можно было только по глазам. Шебалин решил, что правила хорошего тона обязывают его сказать в ответ пару слов.

– Ваша дама, кажется, большой любитель театра, – произнес он как можно доброжелательнее. – Или она профессиональный театровед?

Мужчина пожал плечами.

– Да бог ее знает, понятия не имею.

Ответ огорошил Шебалина. Как такое может быть? Наверное, она ему уступила лишний билетик прямо перед входом, тогда понятно, что он ничего не знает о своей случайной спутнице. А теперь ухаживает за ней, покупает кофе и пирожное в буфете просто из вежливости.

– Лишний билетик? – понимающе улыбнулся Шебалин.

Мужчина недоуменно приподнял брови, потом усмехнулся.

– Лишний заработок. Я из агентства. Клиенту нужен спутник для похода в театр – я предоставляю услугу. Ничего личного, как говорится.

Олег Витальевич окончательно растерялся.

– Наверное, я вас не понял, – пробормотал он.

Мужчина достал из пиджака бумажник, вытащил визитку, протянул Шебалину.

– Возьмите. Вдруг пригодится.

* * *

Ливень стих, превратившись в обычный дождь, мерно стучащий по жестяным подоконникам. Выходить на улицу не хотелось, и Настя с удовольствием слушала неторопливый рассказ Шебалина. Как только прозвучали слова об агентстве, Зоя немедленно поднялась и ушла в кабинет, где стоял навороченный компьютер.

Настя слушала с любопытством, она и не знала, что в Москве есть такое забавное агентство под названием «Марта», предоставляющее услуги «сопровождения дам». Нет, не эскорт и ничего такого сомнительного, ни боже мой! Именно сопровождение, если дама по каким-то причинам не хочет появляться в одиночестве в театре, на концерте или на мероприятии.

Сам же Олег Витальевич Шебалин казался ей теперь странноватым. Ну что за блажь, ей-богу: в театр он, видите ли, не может ходить один! «Не придирайся, – сердито осекла она собственные мысли. – Каждый человек имеет право на своих тараканов, ты сама тысячу раз повторяла это другим. Если на тебя посмотреть со стороны, так в твоей голове не только тараканы полчищами бегают, но и крысы, и клопы, и еще бог весть какая живность».

Шебалин обратился в агентство, визитку которого получил от случайного знакомого в театре, в надежде подобрать себе подходящую спутницу для походов на спектакли. Однако его ждало разочарование: мужчинам подобные услуги не предоставлялись, только дамам, которые желали получить кавалера на один вечер. Владелица «Марты», приятная женщина по имени Ксения Мартянова (от фамилии и образовано название), не скрывала удивления:

– Вы такой... м-м... представительный мужчина, привлекательный, элегантный, неужели для вас составляет проблему найти спутницу?

Что ж, Мартянова, как говорится, зрела в корень. Этот вопрос Насте тоже хотелось бы задать, и она с нетерпением ждала продолжения рассказа в надежде получить внятное разъяснение.

– И что вы ответили? – спросил Доценко.

– Я не считал возможным вдаваться в подробности в той ситуации, просто сказал, что так складываются обстоятельства. И тогда Ксения предложила мне контракт, сказала, что на меня будет большой спрос, потому что я люблю и знаю театр, ну и внешние данные ее тоже впечатлили почему-то. В первый момент я растерялся, попросил дать мне время подумать, дома

рассказал обо всем жене, она одобрила затею. И я буду доволен, и неплохой заработок, ценник в «Марте» очень недешевый.

О том, что восьмидесятилетняя супруга Шебалина заработала что-то вроде фобии и отказывается посещать людные места, клиент уже рассказал. Настя не удивилась, ей приходилось сталкиваться с такими «убежденными самоизолянтами». Но она все равно не могла взять в толк, почему Олег Витальевич не сумел среди своих знакомых найти того, с кем ходил бы по театрам. Ну ладно, с мужчинами-приятелями не получилось, это он объяснил, но почему не пригласить знакомую женщину? Что, нет таких? Да быть того не может! Этот импозантный мужчина явно что-то недоговаривает, и это Насте Каменской не очень нравилось.

Ксения не ошиблась, импозантный Шебалин заинтересовал ее клиенток, и спустя буквально пару месяцев он уже ходил в театры, на выставки и на концерты почти ежедневно, причем не только не платил ни копейки за отнюдь не дешевые билеты, но еще и зарабатывал. Олег Витальевич даже представить себе не мог, что в Москве проживает такое количество одиноких любительниц искусства, которые предпочитают посещать «культурные мероприятия» не с подругами, а в сопровождении мужчин, и готовы за это удовольствие платить. Встречи с клиентками проходили интеллигентно, хотя и не без забавных эксцессов: одна дамочка решила все-таки попытаться превратить «чистое сопровождение» в некое подобие «эскорта» и старательно зазывала Шебалина к себе домой, от чего он, разумеется, отказался, постаравшись сделать это максимально вежливо и необидно; другая вообще ничего не понимала в искусстве, а походом в театр озаботилась исключительно из вредности, когда узнала, что ее заклятая врагиня идет на этот спектакль и хвастается на работе дороговизной билетов и новым мужем, и захотела появиться перед ней непременно на еще более дорогих местах и в сопровождении роскошного спутника; третья неплохо разбиралась в режиссуре и актерской игре, но все время до начала, в антракте и после окончания спектакля говорила не о том, что интересно было бы Шебалину, а обсуждала других «спутников» из агентства, перемывала им кости и всячески критиковала, причем делала это далеко не корректно. Но в целом дамы, по мнению Олега Витальевича, были милыми и приличными во всех отношениях.

И была среди них одна, которая нравилась ему больше всех. Нравилась чисто по-человечески. Людмила не была театралкой в полном смысле слова, Шебалин отчетливо видел и отсутствие базовых знаний, и небольшой стаж посещения театров. Но ей было действительно интересно все, что он мог рассказать и объяснить. Она умела слушать. Она ни о ком не говорила дурно или обидно, и ее всепоглощающая доброжелательность поистине очаровывала. После первого же совместного похода в театр Людмила осторожно спросила, не станет ли Олег Витальевич возражать, если она в следующий раз будет рассчитывать именно на его компанию:

– Мне хотелось бы поучиться у вас, если есть такая возможность. Вы так много знаете и так понятно объясняете!

– Почту за честь, – галантно отозвался Шебалин.

Людмила «заказывала» его примерно раз в две недели, причем ходила она почти всегда в один и тот же театр, называвшийся «Окраина».

– Мне здесь нравится, театр такой маленький, уютный, я уже всех актеров запомнила и по именам, и в лицо. А с вашей помощью я учусь видеть, как меняется постановка от спектакля к спектаклю, как развивается, живет. Это так интересно!

Никаких намеков на углубление общения и личные отношения Людмила не делала, не предлагала обменяться телефонами, не спрашивала о семье и сама ничего не рассказывала. Все их беседы крутились только вокруг нейтральных тем: театр, спектакль, пьеса, режиссер, актеры, декорации и костюмы, история искусств, иногда – значительные события в политике, но кратко и крайне поверхностно.

– Вы сами не пытались расспросить ее? – уточнил Доценко. – Вам не было интересно?

Шебалин, похоже, несколько смутился.

– В агентстве существует этический кодекс, согласно которому клиентка оплачивает именно ту услугу, которую заказывает. Если она хочет побеседовать о жизни и семье – я обязан поддержать разговор, если она сама об этом не заговаривает – я не должен лезть. Моя задача состоит в том, чтобы стать комфортным спутником. Внешние рамки этого комфорта установлены агентством, а внутренние устанавливает сама клиентка.

– То есть Людмила не задавала вам вопросов о вашей семье, о вашей жизни, карьере? – спросила Настя.

Шебалин покачал головой.

– Нет. Я интересовал ее только как спутник для посещения театра.

– А у вас, соответственно, не было к ней интереса как к личности, как к человеку? Вы не пытались сами что-то узнать у нее о ней самой?

По сердитому взгляду, который метнул на нее Доценко, Настя поняла, что переборщила. «Не надо было так резко, – подумала она, видя, как начинают розоветь скулы Олега Витальевича. – Деликатность никогда не была моей сильной стороной. По-видимому, с возрастом дефекты обостряются».

Клиент немного помолчал, потом поднял глаза на Настю и с вызовом посмотрел на нее.

– Я примерно представляю, что вы обо мне подумали. «Нашел свободные уши и на радостях распустил павлиний хвост, ему лишь бы покрасоваться, продемонстрировать образованность, ему не интересен собеседник, ему интересен только он сам». Правильно? – Он усмехнулся. – Не надо, не отвечайте. У вас все на лице написано. Что ж, вы правы и одновременно неправы. Правы в том, что я действительно не хотел личного сближения с Людмилой и радовался, что она не заводит никаких разговоров, нарушающих личные границы. А неправы вы в том...

Внезапно он тряхнул головой и уставился в окно. После небольшой паузы продолжил:

– Впрочем, это не имеет отношения к моей проблеме. В какой-то момент я спохватился, что от Людмилы перестали поступать заказы. Ну время такое, вы сами понимаете, и я подумал, что она, скорее всего, заболела, вот пройдет пара недель карантина, и она снова объявится. Но она не объявлялась. Прошел месяц, второй. Тогда я подумал, что, возможно, я чем-то ее задел и она продолжает пользоваться услугами «Марты», но выбирает других спутников. Спросил у Ксении, она сказала, что от Людмилы давно не было запросов. Я немного забеспокоился, но решил, что всякое бывает. В конце концов, многие мои знакомые просто уехали из Москвы туда, где меньше народу и больше свежего воздуха. Потом наступило лето, театральная жизнь затихла. Но в сентябре Людмила так и не объявилась. И мне стало тревожно. Я попытался ее разыскать. Сначала хотел узнать ее данные в агентстве, – продолжал Олег Витальевич, – но мне отказали, дескать, не имеют права разглашать конфиденциальную информацию. По их мнению, клиентка, то есть Людмила, сообщила мне о себе ровно столько, сколько сочла нужным, и если она больше ничего не рассказала, значит, у нее на это были причины. Как вы считаете, они правы?

Шебалин с тревогой переводил взгляд с Доценко на Настю.

– Правы, – ответил Миша. – Продолжайте, пожалуйста.

– У меня не было номера телефона Людмилы, но я всегда провожал ее после спектакля, это входило в мои обязанности по договору, так что улицу, дом и подъезд я знал. Поехал туда, где она живет, к ее дому, попытался порасспрашивать жильцов. Просто стоял возле подъезда и приставал с разговорами ко всем, кто входил или выходил. Но что я мог получить, если не знаю ни отчества, ни фамилии, ни этажа? У меня даже ее фотографии нет. Представьте себе огромный человек, больше двадцати этажей, на каждом этаже чуть ли не десяток квартир, это я своими глазами видел: зашел вместе с кем-то и поднялся в лифте, чтобы хоть представление иметь, как там и что. Я сам себе казался полным идиотом, когда спрашивал людей, не знают

ли они женщину по имени Людмила, примерно сорока пяти лет, стройную и симпатичную. В общем, у меня ничего не вышло.

Шебалин снова замолчал.

– Почему вы хотите ее найти? – неожиданно мягко спросил Доценко. – У вас остались какие-то неразрешенные вопросы? Обязательства? Может быть, денежные?

По лицу Олега Витальевича медленно разливалось сначала недоумение, потом изумление.

– Да помилуйте, Михаил! Вы всерьез считаете, что искать человека имеет смысл только для того, чтобы заставить его вернуть долг? Такие понятия, как тревога, беспокойство, желание помочь, отменены в том мире, в котором вы живете? Прошу извинить, но я живу в другом мире, и в моем мире стремление найти человека, чтобы узнать, все ли у него в порядке и не нужна ли помощь, является совершенно естественным.

– Что заставляет вас думать, что у Людмилы могут быть проблемы и она нуждается в помощи? – невозмутимо продолжал гнуть свою линию Миша. – Вы только что сами сказали, что ничего не знаете о ней самой, о ее семье и ее обстоятельствах. Так откуда ваша тревога? В ее поведении вы заметили что-тостораживающее?

«Он тоже не верит этому Шебалину, – подумала Настя. – И правильно делает. Очень странный мужик. И сомнительный какой-то. Все, что он рассказывает, звучит крайне неподобающе. Поэтому Стасов и вынудил его повторить нам свой рассказ, хочет проверить впечатление, видно, шефа тоже что-то царапает, а ввязываться в авантюры он категорически не желает».

– Я всего лишь хочу убедиться, что у человека все в порядке. Если когда-нибудь потом выяснится, что Людмиле нужна была помощь, но никто этим не озаботился, мне будет крайне неприятно, – с достоинством произнес Шебалин. – Можете мне поверить, Михаил: если женщине не с кем ходить в театр, это кое-что значит. Если она пользуется услугами Ксении, и не один раз, а постоянно, вполне справедливо сделать вывод о ее полном одиночестве. У нее, скорее всего, нет ни мужа, ни детей, ни других близких родственников. Я могу рассчитывать на помощь вашего агентства? Или мы напрасно тратим время?

– Мы постараемся вам помочь, – со вздохом кивнул Доценко. – Сейчас Владислав Николаевич покажет вам договор, вы ознакомитесь, если что-то не устроит – внесем правки, вы подпишете – и мы завтра с утра начнем работать.

– А что вы будете делать? – с каким-то совершенно детским любопытством спросил Шебалин.

– Для начала навестим госпожу Мартьянову, потом решим, нужно ли делать что-то еще. Возможно, с нами она будет более разговорчивой, тогда мы в тот же день получим все данные, которые вам требуются, – уклончиво ответил Миша.

– Вы сами к ней поедете?

– Это решит Владислав Николаевич. Но скорее всего, поедет Анастасия, так лучше для дела. Поэтому я попрошу вас прочесть договор, а когда мы с этим закончим, вам придется побеседовать с Анастасией, ответить на ее вопросы, чтобы она более предметно подготовилась к визиту в «Марту». Хорошо?

– Даже не знаю, чем я могу быть вам полезен в этом смысле, – растерянно проговорил Шебалин. – Я совсем ничего не знаю о Ксении и вряд ли смогу подсказать что-то...

Настя улыбнулась как можно мягче. Ей до сих пор было неловко за свою недавнюю резкость и хотелось как-то сгладить впечатление.

– Не нужно ничего подсказывать, вы просто поговорите со мной.

Стасов наконец справился с договором и пригласил Шебалина к себе. Обычно этой частью работы занималась Настя, у нее это занимало от силы минут пять: сформулировать и внести в типовый договор «предмет заказа» и паспортные данные заказчика, распечатать –

и готово. Сегодня Владик решил, что ей лучше послушать нового клиента, и взялся за дело сам. Вот и результат налицо: угрожал на пустяковую работу кучу времени. Впрочем, Стасов мог и схитрить, не спешил с составлением документа, чтобы не прерывать беседу, а сам тем временем ждал информацию от Зои, которая, разумеется, первым делом должна была проверить самого клиента. Если она обнаружит хоть что-нибудь сомнительное, никакой договор не понадобится. Что ж, похоже, Зоя ничего компрометирующего не нашла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.